

СОДЕРЖАНИЕ

Пятак	5
Желтый проблесковый	10
Белый теплоход	12
НОРД, НОРД И НЕМНОГО ВЕСТ (повесть)	15
Часть I	17
Часть II	129
Часть III	193
Личное мещанское счастье	199
Чувство на букву «пэ»	208
Красота, компрессор, компенсация	225
Белая кость	241
Черный дембель	253
Грибы и эти, как их там... ягоды	266
Осень и Серега	281
Подводный пилот	296
Велосипед	312

Снег	325
Свет новой зари	341
Прикомандированный	354
Футы	360
Рыбалка	365
Гибель Венедикта	371

ПЯТАК

Вчера начался КМБ, а позавчера нам выдали форму. И со всей широтой флотской души разрешили не спать всю ночь, чтоб успеть привести ее в порядок к утру. То есть, зная, что это невозможно, решили погрузить в трудности и лишения прямо сразу.

Это был первый раз в моей жизни, когда много молодых ребят вокруг неожиданно для себя выяснили, что им таки надо уметь самостоятельно, вот этими вот самими, а не мамиными руками шить, подшивать, гладить, отпаривать и выглядеть хорошо. Ладно, ладно — выглядеть хорошо в рабочей морской форме невозможно, если ты не носишь ее хотя бы годик. Поэтому заменим «хорошо» на «приемлемо».

— А как? — недоумевало большинство будущих покорителей морей, океанов и Домов офицеров флота, имея в виду «вставлять нитку в иголку».

— А вот, — немедленно помог старшина роты, — видите, плакаты висят в бытовке? Так же великолепно вы и должны выглядеть.

А на плакатах тех — вы легко можете себе это представить — изображен был низкополигональный Аллен Де-

лон в индивидуально пошитых костюмах, которые выглядели как морская форма, но сразу было видно, что шили, подгоняли по фигуре и гладили их не иначе как демоны. Абсолютно все выглядели в робе (это название рабочей формы такое) смешно. Она же была не то двух, не то трех ростов, а с размерами вообще не парились — ну ты же моряк, а значит, по умолчанию строен как кипарис. Но сделаем пошире штаны, чтоб можно было их легко скинуть, когда упадешь в воду. И рубашку тоже — чтоб нигде не жала. Это же рабочая форма, и ты в ней будешь работать! А как ты это будешь гладить — вот совсем не волновало абсолютно никого, начиная от Главкома ВМФ и заканчивая старшиной роты.

На штанах предполагались стрелки. Однако, пока наука про использование газет и/или мыла совместно с утюгом не была изучена, те стрелки можно было выставлять в музее на юмористической выставке «Как не надо гладить брюк»: мало у кого стрелка получалось одной, непрерывной, ровной и держалась больше, чем пару часов.

Но смеяться над своими новыми товарищами не выходило — в ротном помещении висели зеркала.

С пришиванием погон, курсовок и боевых номеров выходил отдельный цирк: насквозь прошитые рукава, погоны на спине, стежки длиной в пару сантиметров и заваленный горизонт. А ведь это еще на арену не вышли клоуны!

Кое-как отмучившись, вытерпев насмешки и унижения старшины роты («А ты штаны рукой, что ли, гладил? Утюг же надо было взять! Утюго-о-ом? А включать его не пробовал?»; «А это ты что такое с гюйсом сделал? Ему

же прям стыдно на плечах твоих хилых висеть, он прямо орет же: “Отпустите меня обратно под ядра и картечь Гангута!”»), пройдя утренние строевые занятия, мы сидели в курилке и решали, что делать с прогарами, которые натерли мозоли еще до того, как мы их надели в первый раз.

Курил мало кто: или оторвы из техникумов, или мальчишки, вырвавшиеся на свободу из хороших семей. В основном просто прятались в теньке — севастопольская жара, да еще в робах, переносилась с трудом.

Труды эти на второй уже день выступали белыми пятнами на спинах и под мышками. Это только после мы узнаем, что чем больше стираешь робу, тем мягче она становится и лучше дышит. А сейчас сидели бесформенной темно-синей кучей и пытались вспомнить все известные нам рецепты размягчения обуви: молоток, одеколон, кипяток, подсолнечное масло, солнцепек и прочие абсолютно, казалось бы, непригодные вещи.

Когда закончили с обувью и перешли к способам чистки блях, чтоб они всегда блестели, но чтобы чистить их при этом надо было бы не чаще раза в месяц, из-за угла вышел пятикурсник и направился в нашу сторону. Мы почтительно притихли: солидный взрослый двадцатитрехлетний мужик! А как он выглядел на нашем фоне! Брюки-клевш, о стрелки которых можно было резать тополиный пух (тогда как наши стрелки напоминали намокшую под дождем карту дорог Ленинградской области). Белоснежная форменная рубаха с золотыми курсовыми галками — понятно, что с пятью, но выгля-

дело это так, будто от плеча и ниже локтя (а мы как раз вчера пришили себе на рукава одинокую резиновую галочку, и от того, как сиротливо она смотрелась, еще больше хотелось домой). На затылке — шитая фуражка севастопольского кроя (а у нас-то бескозырки, со всеми пружинами, со всеми чехлами, которые пачкались немедленно от мимолетно брошенного на них взгляда!). В его черные ботинки можно было смотреться при бритье, а наши прогары, жирно намазанные гуталином, казались настолько тусклыми, что на их фоне засияло бы и пасмурное московское небо. И завершали картину небрежно болтающийся в руке чемодан и усищи, мать моя, во-о-о-от такенные!

И главное — у нас впереди было пять лет мучений в виде учебы, нарядов и службы, а его впереди поджидала только свобода: военно-морской флот!

Словно напуганные воробьи, брызнули мы с центральной скамейки, почтительно освобождая место. Пятикурсник кивнул нам, чем вызвал немой щенячий восторг, не спеша уселся, снял фуражку, пригладил вихры, уложил на колени чемодан и открыл его. Плавно и размеренно он доставал из чемодана чертежи, какие-то таблицы и описания, аккуратно рвал их на несколько частей и складывал в мусорку: это, очевидно, была несекретная часть его диплома. Что там мы — казалось, даже птицы, жучки, мухи и листья на деревьях почтительно молчали!

Дорвав все, он вытряхнул чемодан, зашвырнул его в кусты, вытянул ноги и достал откуда-то из недр фуражки «беломорину». Размял ее в пальцах, дунул в гильзу, оторвал

кончик, смял и вставил его внутрь, защипнул два раза и забросил папиросу в уголок рта. Прикурил от одной из пяти немедленно поднесенных спичек, глубоко затянулся и, на выдохе, сообщил не то нам, не то Вселенной:

— Всё. Инженер.

ЖЕЛТЫЙ ПРОБЛЕСКОВЫЙ

Когда Тимофей Алексеевич был маленьким, он окончил военно-морское училище имени Ленина, получил специальность инженера-электромеханика, но на подводные лодки не пошел: после практики на дизелях появилась клаустрофобия, а уж лет сорок прошло с тех пор.

Морчасти погранвойск — вот она где, настоящая романтика, а механики, как вы понимаете, нужны везде, где есть механизмы!

— Первый самостоятельный выход, — рассказывает он мне. — Прикинь, и по оперативному сигналу — нарушитель, то есть срочно догнать, скрутить и задержать!

Две турбины свистят как родные, мчим, едва касаясь волны: чайки хуй догнать могут! С пулеметов чехлы снимаем, патроны, группа захвата, на мостике ажитация — предвкушаем!

— «Буревестник», — вяло шипит в рацию оперативный, — стоп ход. «Бидон» на выход пропустите.

— Стоп обе, — говорит мне командир.

Ну я, конечно, стопорю, а сам от возмущения слова сказать не могу.

— Тащ командир, — спрашиваю, когда уши потухли, — а что это за хуйня? Мы, «Буревестник», какому-то «Бидону»... что за... дела?

— Тимофей, — отвечает, — смотри вперед. Что ты там видишь под горизонтом?

— Желтый проблесковый!

— Так точно. А еще какие-нибудь огни?

— Никак нет!

— А они есть. Так вот, Тимофей, запомни: если видишь желтый проблесковый и слышишь смешной позывной, типа «Бидона» или «Бугеля», то какой ты ни есть «Буревестник», а ход стопори и хошь кури, хошь чай пей, но жди, пока он от тебя за горизонт не учухает. Потому что это подводная лодка, и она тут вроде папы.

— Как так-то! Мы же это! Москве напрямую! Оперативная обстановка!

— Москва, Тимофей, в Москве, а во всех узкостях Кольского залива про Москву, конечно, слышали, но, чтоб долго не объяснять, повторю: желтый проблесковый — папа, «Буревестник» — курит.

До сих пор вас, подводников, терпеть не могу, Эдуард, понимаешь? Я — «Буревестник», на боевом корабле, турбины, пушки, э-ге-гей, блядь, за борт не то что бескозырки с матросов, а самих матросов сдувает, на маневре зазевался — зубы долой, но ты, на бидоне своем, выходит — что? И не видать тебя почти, а ты вроде как главнее!

— Нет, Тимофей Алексеевич, то БДРМ был. Я на «Бугеле» же, и меня вы точно заметили бы. А вот мы вас — не факт, какой вы ни есть гусь!

БЕЛЫЙ ТЕПЛОХОД

— Ну, — поддержал Тимофея Алексеевича Женя, — тоже есть шрам на чувстве собственного достоинства от вас, чертей. Я же, — продолжил Женя после того, как выпили очередную, — на гидрографе. Вот в Мишуково, помнишь, стояли белые красивые пароходы? Так это мы! Я старпом уже, идем в море с утра, а ночью нам привозят десять каких-то ящиков. Вот, говорят, накладная, примите на борт, вот приказ передать по команде оперативного, где надо, кому надо и когда надо. Ящики секретные, руками не трогать, не кантовать, внутрь не заглядывать и сгущенку из них не есть! Ну, есть «не есть»! Люди мы военные, хоть и весь экипаж, кроме командира, старпома и штурмана, — гражданские.

Ну и вот (наливай, чо ты рот разинул?) — бороздим моря, двигаем науку, рельеф измеряем, звезды считаем. «А подать мне чай на мостик!», понимаешь. Я в белом, как на фантике конфеты «Мореход». «Мария Сергеевна, а почему чай без коньяка старпому подаете?» — как вдруг радиogramма: «"Следопыт", следуйте в район такой-то и прямо в самом его центре такого-то числа "Кащей" у вас заберет посылку в пятнадцать ноль-ноль!» «Кащей», бл. Ну, допустим.

Приследовали в район, стали в самом его центре и курим. Курим, курим. Курим, курим. Курим, курим — нет никого! Телеграфируем оперативному, что четырнадцать, мол, тридцать, а “Кашея” не наблюдаем, и как же флотский порядок и королевская вежливость? «Не ссыте, — говорит оперативный, — будет вовремя!» О, норм бастурма, где брал такую? Скажи, Алексеич, да? Ну, с наступающим! Какой Кошцей? А, ну!

Дык я и говорю: «Как он вовремя будет, “Кашей” этот ваш, если вон в одну сторону я вижу ценник на треску на Мурманском рыбном рынке, а в другую — афишу на театре в Хельсинки, а “Кашея” этого вашего вообще не вижу! Он откуда вовремя будет — с неба упадет? Дык и в небе чисто! Не наблюдаю, — докладываю свои сомнения оперативному, — ни одного “Кашея” ни по одному из тридцати двух румбов!» «Отбой, — отвечает мне этот оперативный хам, — не засоряйте эфир вашими беспочвенными страданиями». И вот стою я, белый пароход, как одинокий зефир на подносе, на синем море под желтым солнцем, всеми покинутый и никому, выходит, не нужный, как вдруг — взрывы из-под воды: один, второй, третий! И аккурат в нашем направлении, понимаешь! Шлюпки отдавать, бежать, мэй-дей телеграфировать? Что делать-то, бл, делать-то что?! И тут — бульк! Метров, вот не вру, в тридцати на траверзе всплывает черная рубка, чуть палубы под ней — и к нам тихонько чухает. Из рубки выскакивают мужики какие-то хмурые, в ватниках, в штанах каких-то с пузырями на коленях, небритые все, жилеты на них, ну я знаю, что оранжевые, но еще чумазее, чем они сами, и немедленно закуривают. Смотрят на меня. Я на них — свысока, буквально. Кашне

поправляю — а оно у меня уже шелковое, я же старпом. «Здрасьте!» — говорю. Те в ответ кивают и молчат. «“Следопыт”! — вызывает меня кто-то в рацию. — Я “Кашей”, давай груз». «Вы “Кашей”?» — спрашиваю у мужиков. Те дружно ржут: мол, те еще! Сгружаю ящики, они их в люк закидывают, ручками машут адье, в люк запрыгивают и — бульк! — нету их! Бл, кому я ящики-то отдал?! Э, а накладную подписать?! Алармирую оперативному: простите, мол, что мешаю вам там макеты корабликов по карте двигать, но у меня ящики забрал... э... наверное, «Кашей». Я так думаю. «Все нормально! — слышно, как жует колбасу оперативный. — “Кашей” получение груза подтвердил!» «А накладная?» — не успокаиваюсь я. «Да выкиньте ее», — разрешает оперативный. «Куда?!» «Да за борт, бл, куда же еще! “Следопыт”, отбой, следуйте по плану и не мешайте работать!»

Не, а чо вы ржете, вот ты мне скажи, Эдуард, нормально это? А что за взрывы были?

— А это, Женя, они вам курс всплытия своего воздухом показывали, чтоб вы не испугались, когда они вынырнут!

— Да пиздец — вот вообще ни разу не страшно было! Придумают же «Кашей»! Вот за это вас нормальные моряки и не любят, понимаешь! «Ах, белый теплоход, бегущая вода, уносишь ты меня-а-а...»

**НОРД, НОРД
И НЕМНОГО ВЕСТ**
(ПОВЕСТЬ)

*Моему другу Вячеславу Тихонову
посвящается*

ЧАСТЬ I

И как будто мало было того, что и так уже хоть плачь, заморосил дождь.

* * *

— Капюшон, Егорка, — тронула его за плечо мама.

Да что уже мог бы исправить капюшон? Парада было абсолютно не видно за плотной серой стеной толпы, только редкие звуки долетали с проспекта да люди периодически вспыхивали аплодисментами и криками «Ура!». И от этого становилось еще грустнее: если люди кричат «ура», значит, им весело — так же? А ты стоишь и пялишься им в спины. Егорка терпел, терпел, но чем больше терпел, тем меньше видел в этом хоть какой-то смысл. Парад и по телевизору можно было бы посмотреть — пусть и черно-белому, зато в сухости и тепле.

— Мам, — не выдержал Егорка, — мне не видно ничего.

А еще он замерз и кто-то наступил ему на ногу, но это можно было бы и пережить, если бы вот не то, что не видно.

— Егорка, ну что мне сделать? Поздно мы с тобой пришли, малыш. Сами виноваты. Может, домой пойдём?

— Я не хочу домой, — шмыгнул носом Егорка, — я хочу парад посмотреть. — И выставил вперед красный шарик на палочке с подвязанным у основания желтым цветком из гофрированной бумаги. Цветок они сделали прошлым вечером сами и, пока делали, получили столько удовольствия от предвкушения праздника, что теперь ну никак невозможно было сдаться и уйти просто так. Люди, которые стояли впереди, периодически оглядывались на Егорку, вот только уступить ему свое место в первых рядах так никто и не собрался — хоть бери и обижайся на их черную черствость. Цветок медленно намокал и тускнел. А может, и правда — домой?

— Разрешите? — пробасил кто-то сзади, и сильные руки подхватили Егорку, понесли вверх.

— Ой, — сказала где-то внизу мама.

А Егорка и сказать ничего не успел, как уже сидел на плечах высоко-высоко и говорить было некогда: вот он, парад, весь как на ладони!

— Ура! — закричал Егор и замахал шариком.

— Ура-а-а! — радостно поддержали его серые люди, которые были теперь не так впереди, как снизу, и Егор их немедленно простил, хотя и обидеться-то еще толком не успел. Да и не такими уж серыми они казались отсюда — вон на той даме шикарный зеленый берет, а у усатого дядечки пальто и вовсе желтое. Да серого-то почти и не видно, когда смотришь сверху! В людях не видно.

Серая от собственной унылости погода, обычная для Ленинграда почти в любое время года, тоже обрадовавшись тому, что Егорка перестал страдать, выключила дождь и чуть-чуть показала солнышко. На минутку, правда, — ве-